

МУЖС

КНИГА ДЛЯ ТАКИХ,
КАК Я

ФРДМ

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс

Ф82 Книга для таких, как я / Макс Фрай. — Москва : АСТ, 2019. — 480 с. — (Миры Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-113862-2

В этой книге собраны тексты, написанные еще в девяностых годах прошлого века для разных интернет-проектов: рубрика Macht Frei в легендарной Газете.ру; книжка-игрушка «Идеальный роман», состоящая из последних абзацев вымышленных книг, жаждущая рассказать простыми словами об очень сложных явлениях. В этой книге Макс Фрай предстает перед нами не столько писателем, сколько страстным читателем, человеком, которому нравилось играть в литературные игры. И вообще играть.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-113862-2

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2019

MACHT FREI

Записки вымышленного существа: избранные эссе, дзуйхицу и прочие танцы на полях

АВТОПОРТРЕТ

АНФАС:

Возраст

Не более суток: человек, который просыпается в моей постели каждое утро, не имеет решительно никакого отношения к тому, кто ложился туда накануне. Иногда их связывают общие воспоминания, но они смутны и малозначительны.

Рост

Обладая средним ростом, я почему-то остро ощущаю себя очень высоким человеком — возможно, потому, что в детстве я некоторое время действительно был длинным, гораздо выше большинства сверстников, а потом они как-то незаметно меня догнали и перегнали. Веду я себя, однако, в связи с этим комично.

Инстинктивно пригибаюсь, преодолевая дверные проемы. Инстинктивно же смотрю на собеседника (который вполне может быть на полторы головы выше меня) сверху вниз. Какое-то время назад я еще и сутулился, как сутулятся только очень высокие, нескладные люди.

Мне кажется, что окружающие гораздо ниже меня ростом; лишь зеркала порой знакомят меня с действительным положением вещей.

Странная разновидность высокомерия, однако!

Вес

Я почти ничего не вешу, когда смеюсь. Это открытие сделала моя подружка, девушка далеко не атлетического сложения: рассмешив меня как следует (что несложно), она без особых усилий поднимает мою сведенную судорогой хохота тушку в воздух и переносит с места на место. Думаю, нас с ней уже давно пора показывать за деньги.

Когда я серьезен, я оставляю зловеще глубокие следы на песке. Бойкая старушка с цыганскими глазами и юной гибкой тенью, которая взвешивала всех желающих на людном пляже маленького южного города (пленившись ее призрачным очарованием, я как идиот полез на эти чертовы весы, чтобы доставить ей удовольствие), решила, будто орудие ее труда достиг бесславный конец: я был вызывающе худ, тщедушен и невзрачен, а стрелка весов не менее вызывающе подползала к отметке 90: в тот день я был чрезвычайно озабочен своими запутанными околосердечными делами.

Но когда я смеюсь...

Цвет кожи

Порой я почти уверен, что зеленый. Мало ли, кому что кажется...

Цвет глаз

Не имеет значения.

Я давно пристрастился к темным очкам.

Цвет волос

В детстве я был рыжим. В глубине души я до сих пор рыжий. Как это выглядит со стороны — дело десятое.

Группа крови

Единственный врач, с которым я обсуждал эту тему, с энтузиазмом утверждал, будто бы я — идеальный донор. Типа моя кровь подходит чуть ли не всем без исключения.

Впрочем, он был пьян и в глаза не видел результатов моих анализов.

Род занятий

Иногда я молчу.

Личные связи

«Я тебя люблю, я без тебя жить не могу, не исчезай, пожалуйста», — говорю я себе в самые черные дни. Пока мы все еще вместе.

Особые приметы

Комический, в сущности, персонаж.

В ПРОФИЛЬ:

А профиль у меня почему-то птичий...

1999 г.

**ОБ «ЭВРИСИНГЕ», «НАСИНГЕ»
И ПРОЧИХ МИСТИФИКАЦИЯХ**

Сам по себе он был Никто; за лицом (не схожим с другими даже на скверных портретах эпохи) и несчетными, призрачными, бессвязными словами крылся лишь холод, сон, снящийся никому.

То, о чем умудрился столь недвусмысленно и лаконично сказать Борхес, было откуда-то известно мне с детства:

я всегда знал, что КНИГИ НИКТО НЕ ПИШЕТ (инстинктивное понимание порой мешало мне запоминать фамилии авторов... впрочем, до сих пор мешает). Борхес помог мне поменять слова в этом утверждении местами, сменить детскую наивность на сомнительное глубокомыслие взрослого: теперь я формулирую сей немудреный парадокс иначе: ВСЕ КНИГИ НАПИСАНЫ НИКЕМ. Авторство (то самое, которое оплачивается гонорарами, девичьими поцелуями и брезгливо-снисходительным интересом критики) до смешного случайно. Кажется, я знаю, как это бывает: у меня по столу сейчас разбросан чуть ли не десяток ручек; я то и дело пользуюсь ими, причем беру второпях ту, что лежит ближе, не принимая во внимание цвет, размер и репутацию фирмы-изготовителя на мировом рынке. То же, очевидно, происходит, когда очередная книга решает, что ей пора быть написанной: чья-то невидимая рука (скверная метафора, но другой не нашлось) хватается за первый попавшийся инструмент, каковой потом, когда все будет кончено, станет нахально именовать себя «Автором» и настойчиво требовать всеобщего внимания и каких-никаких привилегий.

Однажды меня спросили, что я думаю о мистификации в литературе. Пришлось признаться, что я уже давно ничего об этом не думаю: я просто живу в эпицентре тумана, то и дело всем телом ощущаю, как вздрагивают серебристые нити моей собственной, худо-бедно сплетенной паутины; литературная мистификация стала для меня обычным побочным продуктом моей жизнедеятельности, чем-то вроде углекислого газа, который выделяется при каждом выдохе. Трудно удержаться от искушения ответить на этот вопрос вопросом: а разве бывает литература БЕЗ мистификации? (Вообще-то, наверное, бывает, поскольку бывает — все; но это случай не из моей практики.)

Литератор всегда врет — по определению (возможно, лживость автора прямо пропорциональна кажущейся достоверности текста); ну а мистификация — самый простой способ сделать эту ложь осознанной. Не забываться. Знать свое место. Не питать иллюзий на свой счет.

Литература всегда казалась мне своего рода разновидностью сна (пожалуй, единственной легкоуправляемой разновидностью). Чтение — искусство сновидения для ленивых; писательство, по большому счету, — тем более. Феномен литературной мистификации для меня — своего рода тренинг, эффективное упражнение, позволяющее нам даже на самом дне этого тихого уютного омута не забывать о других (возможно, куда менее приятных, не поддающихся контролю) снах. И потом... Поскольку автора, по большому счету, все равно нет и быть не может — почему бы не выдумать его самостоятельно? А то ведь свято место пусто не бывает: вместо нас его выдумает кто-то другой — как водится, по своему образу и подобию...

Да, кстати. Литературная мистификация — это еще и возможность в любой момент уйти из литературы тихо, «по-английски», не прощаясь и не хлопая дверью, оставив в заложниках собственный сон, гомункулуса, призрак. Пусть себе караулит опустевший дом...

1999 г.

ВЛАСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Моя добрая приятельница как-то призналась мне, что в юности помнила наизусть отрывок из «Бегущей по волнам» Грина — тот, где говорится о власти несбыв-

шегося. Не зубрила его, мучительно сжав пальцами виски, а просто перечитывала так часто, что слова сами безжалостно отпечатались в памяти, и только время оказалось достаточно крепкой кислотой, способной вытравить надпись, оставив на ее месте маленький белый шрам. Ничего удивительного: кому, как не пожизненно-му пленнику паутины печатного текста на собственном (не горьком — сладком!) опыте знать о «власти несбывшегося», а моя приятельница — из запойных читателей, из тех злополучных счастливиц, для кого узоры черных значков на белом фоне бумаги — борхесовский Заир, Мандала, бездонная глубина звука «ом», тусклое зеркало, заглянув в темноту которого, принимаешь свое собственное усталое лицо за лик Вечности, из тех, кто никогда не станет отыскивать в хитросплетении этих завораживающих узоров тайное имя Бога — поскольку, кажется, нашел его так давно, что оно уже стало одним из обыденных слов, вроде тех, которые употребляют, чтобы позвать заигравшегося ребенка домой, обедать...

Власть литературы над читателем — это и есть власть несбывшегося. Власть вашего личного несбывшегося над вами — абсолютная, беспощадная и бесконечно желанная. Пока вы лежите на диване, скрючившись в позе зародыша, с книгой в руках, с вами случается то, чего с вами никогда не случилось — и не случится! — НА САМОМ ДЕЛЕ, но разница между «самым делом» и «не самым делом» не так уж велика для очарованного бумажного странника. Пока он там он ТАМ, все остальное не имеет значения.

Но трагедия читателя в том, что писатель — не маг. Он — просто человек, лукавый пройдоха, ярмарочный фокусник, иногда — замечательный фокусник, великий Гуддини, в крайнем случае — Оз, «великий и ужасный»,

но не более того. Чуда не будет. Вообще ничего не будет, никогда, потому что чудо должно быть Настоящим, а на Настоящее, с большой буквы, в жизни читателя почти не остается ни времени, ни сил — только на скучное обыденное настоящее, которое с большой буквы не пишется, скорее уж с самой маленькой из букв, оказавшихся в вашем распоряжении.

Наверное, я уже давно знаю, каких фокусов ждут читатели от автора, какие из фокусов они готовы принять за подлинные чудеса... господи, да какое там «наверное», конечно же, знаю, я и сам такой — один из безнадежных, запойных глотателей печатного текста. По крайней мере, я был таким совсем недавно, всего пару лет назад — подумать страшно! Не откажу себе в удовольствии перечислить любимые фокусы читателя — хотя бы для того, чтобы испытать сладость предательства, закладывая с потрохами товарищей по несчастью.

ТРИ ФОКУСА С ЗЕРКАЛОМ

Самые необходимые, любимые всеми читателями фокусы, они обязательно должны быть в арсенале любого писателя — впрочем, читатели настолько без ума от фокусов с зеркалом, что безупречность исполнения от автора не требуется: читатель готов закрыть глаза на некоторую неловкость очередного иллюзиониста, он с удовольствием вам подыграет, вот увидите!

ПЕРВЫЙ ФОКУС С ЗЕРКАЛОМ

«Покажите мне меня, любимого, во всей моей красе!» — просит читатель. Вот, собственно, и все, что от вас требуется. Книга — волшебное зеркало, в котором чита-

тель отчаянно ищет собственные мысли, опыт, схожий со своим, жизнь, описанную так, как он это себе представляет. Более того, читатель ждет от писателя авторитетного подтверждения, что его мысли — гениальны, его понимание жизни — единственно верное, его опыт — всеобъемлющ, то есть он — самый-самый-самый... (эпитеты по вкусу). Интеллектуал, теребящий «Маятник Фуко», и среднестатистический лох, уткнувшийся в очередной том эпопеи о «Бешеном», были бы потрясены, узнав, насколько они похожи. Но эти двое действительно почти близнецы, они в одной лодке — люди вообще отличаются друг от друга гораздо меньше, чем им хотелось бы! Оба сосредоточенно пялятся в мутное зеркало, пытаясь отыскать там свое собственное восхитительное отражение, а зеркало — оно и есть зеркало, вне зависимости от качества полировки и размеров рамы, так что даже охотники за литературными шедеврами на самом деле охотятся не за самими шедеврами: в глубине зеркала они видят свой собственный вдохновенный профиль, изысканно склонившийся над книгой, постичь которую суждено только лучшим из лучших, а значит я — ах! — один из них... Самое смешное, что, отыскав в книге доказательства собственной исключительности (или притянув их за уши), читатель чувствует себя почти счастливым — на какое-то время. Потом он со свежими силами принимается за поиск новых доказательств с очередной книгой в руках. Автор этих строк сам неоднократно испытал на себе очарование этого, в сущности, незамысловатого фокуса, его первой (а может быть, не первой, но самой большой) любовью когда-то стал Борхес, и даже сейчас, открывая в метро «Хазарский словарь» Павича, он смущенно понимает, что опять попался...

ВТОРОЙ ФОКУС С ЗЕРКАЛОМ

Иногда читатель просит: «Пожалуйста, покажите мне, какой я плохой!» Вариант: «Покажите, как плохо я живу и как еще хуже живут все остальные, бедные мы, бедные!» Удовольствие не только для мазохистов. Во-первых, в топку чувства собственной важности какое полено ни кинь — все одно вспыхнет: хорошая порция пороков или страданий делает нас исключительными и незаурядными персонами (по крайней мере, в собственных глазах), а во-вторых, большинство людей почему-то уверены, что признаться себе в собственных слабостях — уже значит измениться, а приняв на грудь хорошую порцию чернухи, можно обнаружить, что, пока ты читал, реальная жизнь успела стать вполне прекрасной и умеренно удивительной. Опыт тысячелетий, впрочем, утверждает обратное, мой собственный — тоже, как это ни обидно: в свои семнадцать лет я подолгу наслаждался в меру изысканным самобичеванием над полным собранием сочинений чудовищного солнышка русской литературы Федормихалыча — а толку-то! К счастью, сей кайф уже давно не про меня...

ТРЕТИЙ ФОКУС С ЗЕРКАЛОМ (КРИВЫМ)

Простой и самый эффектный трюк: «Покажите мне меня иного и, если можно, лучше, чем на самом деле!» От писателя тут и вовсе почти ничего не требуется, только вынь да положь главного героя, с которым было бы приятно отождествиться всему читательскому поголовью, а уж отождествляться оно будет совершенно самостоятельно. Из кривого зеркала на читателя смотрит чужое лицо, которое, тем не менее, чертовски при-

ятно некоторое время считать своим собственным. Хладнокровный супермен, не теряющий чувства юмора, непременно любимец женщин, обремененный парой-тройкой врагов-злодеев, с которыми так приятно расправиться на пути к счастливому финалу, или дамский вариант: красивая, роковая, чувствительная странница по враждебному миру мужчин и стервозных подруг — дешево и сердито. «Идеальным героем» может оказаться не только личность, но и целая нация, к которой, разумеется, принадлежит совершенно восхищенный этим незамысловатым фактом читатель: поток чудовищной славянской героики в жанре фэнтези, пользующийся известным коммерческим успехом, заставляет меня со вздохом убедиться в собственной правоте. Обслуживание по высшему разряду: для того, чтобы осознать себя представителем очередной «великой нации», не требуется даже крупицы воображения, достаточно соответствующей отметки в «пятой графе» — а если она не «соответствующая», значит, следует просто поискать другую книжку, в которой воспевается именно ваш «пятый пункт». Холодных интеллектуалов вышеперечисленной дешевкой, разумеется, не проймешь, ну и бог с ними: не так уж их много, да и для них можно подобрать соответствующий «светлый образ», было бы желание! Некоторым писателям даже нравится работать на «элитарную» — читай: немногочисленную — аудиторию. Так что любой читатель рано или поздно обретет свое «кривое зеркало», в котором отражается дивный лик, какой вполне можно принять за собственную рожу, и наконец-то так легко полюбить это чужое отражение любовью, которой никогда не хватало на себя неприукрашенного...

ФОКУС «КАКАЯ У ЛЮДЕЙ ЖИЗНЬ ИНТЕРЕСНАЯ!»

Здесь все так просто, что плакать хочется. Вместо того чтобы попытаться сделать интересной свою собственную жизнь — а это хлопотно, небезопасно и вообще непонятно: с чего следует начинать? — заядлый читатель с удовольствием проживает множество чужих интересных жизней. Такой читатель не слишком озабочен поиском собственного отражения, вышеописанные ФОКУСЫ С ЗЕРКАЛАМИ ему ни к чему, он просто с головой ныряет в увлекательную иллюзию и барахтается там, пока не приходит время идти на работу. Разделяя порочную, но вполне бескорыстную любовь большей части человечества к этим безопасным (и бесполезным) снам наяву, автор этих строк содрогается, подсчитывая потраченные впустую часы своей единственной, неповторимой и катастрофически короткой жизни. Иногда его нервы не выдерживают, и он выскакивает из дома в душистую темноту августовской ночи — искать приключений на свою задницу. Ничего особенного во время этих прогулок обычно не случается, и все же...

ФОКУС С МОРКОВКОЙ

О, этот фокус — один из самых изысканных (боюсь, и один из самых безнравственных)! Технология та же, что и в случае с настоящей морковкой, болтающейся перед мордочкой бедняги ослика. Обещайте! Обещайте своему читателю, что, прочитав книгу, он станет лучше, умнее и проницательнее, он узнает ТАЙНУ, и длинноногие девушки будут зачарованно смотреть ему в рот, временами он будет изрекать нечто такое, что и отдался не грех. Обещайте ему, что, открыв вашу книгу, он